

Алексей
МАКЕЕВ

**УТОЛИ
МОЮ МЕСТЬ,
ПУЛЯ**

*Я убью
свое прошлое - 2*

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Алексей Викторович Макеев

Утоли мою месть, пуля

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972775
Макеев А. В. Утоли мою месть, пуля : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-64484-1*

Аннотация

Смысл жизни Ильи Кондратьева – месть бывшему однокласснику, президенту газового концерна Меркушеву. Этот влиятельный бизнесмен – страшный человек. Это аморальное чудовище, погрязшее в крови. Он сломал Илье всю жизнь, унизил и растоптал его семью. Он не боится ни суда, ни высшей власти, потому как у него все куплено, все схвачено. Но Илью это не может остановить. Он поклялся наказать всемогущего монстра, каких бы усилий для этого ни потребовалось, какую бы невыносимую цену ни пришлось за это заплатить...

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алексей Макеев

Утоли мою месть, пуля

Глава 1

Телефон звонил третий раз за последние полчаса, но Илья отвечать не торопился. Номер, как и вчера, позавчера и как полчаса назад, не определился. «Вызов» – мерцала надпись на экране, Илья выждал еще пару гудков и нажал «отбой». Ничего нового он не услышит, все известно заранее, и разговор пойдет по обычному сценарию. Сначала прозвучит вопрос, вернее, предложение – они всегда так начинают: «Мы готовы обсудить с вами условия неразглашения и размер вознаграждения...»

Вежливо говорят, учтиво и голос ни разу не повысили. Но зря стараются, в ответ получают то же самое, что вчера и позавчера, что и два часа назад:

– У нас будет спиритический сеанс? Мы давно умерли, твой хозяин постарался...

И в итоге короткие гудки, словно барышня нервная трубку бросила, никакой фантазии у людей, хоть бы раз спросили для порядка: когда умерли, где, при каких обстоятельствах?.. Или им не интересно? Или по званию не положено вопросы задавать? Скоро узнаем.

Илья отключил мобильник, положил его на стол рядом с подносом и принялся за кофе. Гадость редкостная, но декорациям надо соответствовать – все вокруг озабоченно жуют фастфуд и пялятся на экраны мобильных и в планшеты, выделяться из толпы не стоит, камер наблюдения тут наверняка по всем углам понатыкано. Две штуки он разглядел еще у входа, третью обнаружил четверть часа назад, предусмотрительно сел к ней боком и развалился на стуле перед заваленным едой подносом. Со стороны – обычный посетитель американской забегаловки готовится приступить к бесполезному, битком набитому холестерином и лишними калориями бизнес-ланчу, предварительно проверив, нет ли новых сообщений на личной страничке в соцсети. И таких тут еще человек сорок, если не больше, жующих, смеющихся, обсуждающих планы на вечер, на завтра, на грядущее лето. И только один из всей толпы не загадывает наперед, а по самую макушку в прошлое провалился, и мало того, что все скелеты в собственном шкафу перетряхнул, так теперь и к чужим тянется. Да только уже не к шкафам, а к могилам.

«Меркушев, скотина, что ты сделал с девчонкой? Сколько она успела прожить – пять лет, шесть, прежде чем оказалась на твоей даче? Ее звали Юля, если старая мразь – директриса детского дома, перед тем как повеситься, не выжила из ума и не впала в старческий маразм. Но мы оба знаем, что эта тварь сохранила рассудок и память до своего последнего дня и прожила долго, даже слишком долго, я бы ее лично в гроб уложил – и за Юлю бы поквитался, и за остальных детей, которых менты, как собак, закопали, да не успел. Зато ты жив и, надеюсь, здоров, нам с тобой есть о чем потолковать, так что до встречи». Письмо улетело на общий адрес «Трансгаза», почтовый сервер сообщил, что оно успешно доставлено по назначению. Прошло уже – Илья потянулся к свертку с сэндвичем и посмотрел на телефон – почти четверть часа. Так, всем приготовиться, звонили ему десять минут назад – значит, очередное послание прочли, выводы сделали, а также координаты шантажиста засекали, времени на это было предостаточно. Теперь ждем, в прошлый раз им понадобилось почти полчаса, Илья уже уходит собирался, впрочем, тогда дела кое-какие были, надо бы и сегодня в одно местечко наведаться, проверить кое-что, давно он там не был. Но пока он совершенно свободен и готов ждать, сколько потребуется. Забавное зрелище, надо сказать, грех такой аттракцион пропустить, тем более еды полно, бурда в картонном стаканчике еще не остыла, и место удобное, практически в партере – напротив входной двери.

Илья расправился с промасленной оберткой и вцепился зубами в горячий бутерброд, поморщился и принялся жевать. Деваться некуда, придется есть эту гадость, чтобы уж полностью и бесповоротно соответствовать образу забежавшего наскоро перекусить клерка, курьера или прочей офисной шушеры. Одно радует – он тут как в лесу, в переполненном по случаю обеденного времени ресторане найти отправителя письма непросто, особенно если не знаешь его в лицо. Зато он сам заочно с парой-тройкой меркушевых псов познакомиться успел и даже в досье их рожи внес – малоприятные рожи, надо сказать, но черт его знает, может, когда и пригодится, пусть пока в компе повисят, просто так, чисто на всякий случай. Да и не псы это, слишком громко сказано, а шестерки псов, пешки, нижнее звено в пищевой цепочке. Зверье покрупнее в сторонке пока отсидживается, и неудивительно, он бы и сам так же поступил – а что прикажете делать, когда ищешь то, не знаю что? Вернее, кого...

В дверь ввалилась новая партия голодающих, очередь к кассе моментально выросла, раздвоилась, потом расстроилась, вновь прибывшие задрали головы к меню под потолком и, судя по выражению лиц, прикидывали, какой бы гадостью сегодня пообедать. Только не эти двое со скучными, чисто выбритыми рожами и одинаковыми «площадками» на макушке, одеты неброско, во все серо-синее, немаркое, незаметное, руки держат в карманах. Замерли на пару секунд в дверях, не обращая внимания на прущую в обе стороны толпу с подносами и пакетами в руках, и разошлись в стороны, двинулись, не спеша, на обход переполненной галдящей толпой харчевни. Илья расправился с бутербродом, скомкал обертку и бросил ее на поднос. Промахнулся, и бумажный комок свалился на пол, Илья чертыхнулся, потянулся за ним, свободной рукой зацепив со стола мобильник. Ракурс он выбрал неудачный, зато маневра никто не заметил – ни посетители, ни те двое, видом напоминавшие ему замороженных кур: такие же бледные и неповоротливые. Понятно, что неловкость и заторможенность обманчивы, в любой момент, почуяв добычу или получив отмашку, эти ребята преобразятся, но уж больно потешно они сейчас выглядят. Для посвященного, разумеется, остальным-то плевать на их тормознутость – может, столик пустой мужики ищут или отлить им приспичило, но к заветной дверке очередь образовалась, а терпелу-то уже и нет совсем...

Илья бросил обертку на поднос, взялся за стакан с кофе, одновременно листал на экране свежие фотографии, сравнивая их с бродившими неподалеку оригиналами. Нет, эту сладкую парочку раньше он не встречал – в первый раз два мордворота приехали, тоже вот так по залу послонялись и к администратору кафе подкатили. Второй раз парочку помельче прислали, зато сценарий повторился. И вот сейчас можно ставки делать – эти двое обойдут зал и потащатся к главному в этой харчевне: записи с камер наблюдения кланчить, не иначе. Да и флаг вам в руки, здесь два зала, беспроводной халявный Интернет прекрасно работает в обоих, народу человек сто или больше, каждый второй с планшетом, каждый первый с мобильником. «Всех в разработку возьмете? Это вам месяц не есть, не спать, жен и подружек не видать». Илья влил в себя остатки кофе и поднялся из-за стола. Вежливо пропустил двух хихикающих девчонок, разминул с ринувшимся к освободившемуся столику потным юношей и направился к выходу. У двери он оказался одновременно с одной из шестерок – невысокий, худощавый, глаза карие, рожа бледная, напряженная. Третье письмо за две недели – Меркушева можно понять, спать, поди, перестал, бедняга, и своре своей покоя не дает. А что она, свора, может, если нет приказа ни след брать, ни в клочья рвать, ибо начальство само пока в полных непонятках.

– Разрешите...

Не глядя на Илью, соглядатай посторонился, продолжая сканировать взглядом переполненный зал.

«А ты что думал – я тебя с табличкой «Меркушев – извращенец» в руке ждать буду? Беги, милоч, докладывай, что вы снова облажались!» Старательно сдерживая улыбку, Илья обогнул шестерку, толкнул дверь и, дабы окончательно убедиться, что остался неузнанным,

обернулся на ходу. Шестерка даже не шелохнулся, наплевал на входящих-выходящих, полностью сосредоточился на жующем контингенте зала. Илью такой расклад вполне устроил, он шагнул вперед и обнаружил, что пол куда-то подевался. О том, что на входе в забегаловку по чьему-то недомыслию соорудили коварную ступеньку, отлично приспособленную, чтобы отправлять сытых посетителей в полет, вспомнил уже перед второй дверью, когда приземлился перед ней на одно колено.

– Зараза! – пробурчал Илья себе под нос, обернулся на охранника в дверях, прикидывая, не привлек ли он своим пируэтом ненужного внимания. Нет, дядю в дверях неустойчивые посетители не интересовали, Илья видел только «шестеркин» затылок и обтянутые серой курткой лопатки. Вот и славненько, люди Меркушева видеть спиной еще не научились, надо сматываться...

– Вам больно?

Илья повернул голову на голос. Тонкий, требовательный, чуть капризный, голос ребенка лет шести, не старше, – и не смог произнести ни слова. Перед ним стояла дочь. Лизка, Лизавета – серьезная, сосредоточенная белокурая барышня с куклой в руках. Эта кукла поначалу и сбила его с толку, моментально вспомнил, как, выполняя просьбу, изложенную в письме дочери к Дедушке Морозу, рыскал по магазинам перед прошлым Новым годом в поисках этой синеглазой бестии с презрительно-невинным выражением на пластиковой мордашке. А Мишка в тот же год снежокат заказал и через месяц с небольшим на скорости благополучно грохнул его о березу. Ну да, в феврале, в том проклятом феврале, когда их жизнь разлетелась в куски.

И замелькали, как детали пазлов, складываясь в поганую, со всеми цветами и оттенками мерзости, крови и денег картинку. Подброшенный гайцами героин в багажнике его машины, разбитая витрина магазина и мятый «Матиз» жены, а ее саму, в хлам пьяную, еще не выпустившую из рук бутылку коньяка, по-хозяйски обнимает лицо нетолерантной национальности по имени Ахмат. Тетки из опеки, уводившие детей от отца-наркоторговца и матери-алкоголички, свое бессилие и невозможность противопоставить чиновницам хоть что-то, кроме хорошо поставленного удара, – а нельзя, ибо сам на волоске держится, сиди под подпиской о невыезде за распространение наркотиков и не чирикай. У Лизки точно такое же выражение лица тогда было, не напуганное – растерянное, дочь так толком и не поняла, что происходит, зато Мишка все просек и сразу понял, куда его «добрые тети» сейчас увезут, а сам только-только забывать начал свое детдомовское прошлое. «Не бросай ее», – помнит он, о чем мальчишку тогда отец просил, пусть не родной – приемный? И не узнать никак, и спросить не у кого. И Ольга... «Я не знаю, честное слово. Я ее родителям звонил, ее мать меня послала куда подальше – и весь разговор», – словно сам отец сейчас произнес эти слова, со своей чуть наставительной интонацией, с готовностью пресечь любую попытку возразить или опровергнуть их. А что тут возражать – «не знаю», и слава богу, что он не знает, не видел, как выглядит полная ванна воды, смешанной с кровью, как выглядит родной, близкий человек, дважды за час с небольшим попытавшийся свести счеты с жизнью и не остановившийся после первой неудачной попытки. «В состоянии аффекта» – вот как это по-медицински звучит. Да не аффект это был, Ольга все продумала и для себя решила, даже способ верный выбрала – ножом вдоль по венам, только одного не учла – дверь в ванную хлипкой оказалась. «Кровопотеря тридцать процентов и повреждено сухожилие на левой руке, понадобится повторная операция», – бросил тогда сквозь зубы невыспавшийся врач в приемном отделении и предложил Илье пойти на все четыре стороны. Он и пошел, а что ему оставалось – дети в приюте, жена в реанимации, отцовский дом волки обложили, да и квартиру «наркокурьера» стороной не обошли. Да так там и подошли, как и положено падальщикам, бог помог, рука не дрогнула. И потом благодатью своей не оставил, на следователя продажного вывел, за школьную любовь, Наталью Гришину, после того как ее тело на рельсах

нашли, помог поквитаться, и на выродка, так детей любившего, что их по кускам собирали и неопознанными, как собак, хоронили, указал. А заодно и тварь, их жизнь сломавшую, да вот дальше на небесах сбойнуло что-то, два последних месяца впустую. Ничего, теперь он сам разберется, без участия высших сил.

– Вам больно? – повторила девочка уже без страха, смотрела на Илью, как на раненого или больного пса. И жалко, и подойти страшно – кто знает, что у него на уме, вдруг цапнет?

– Пойдем, – раздался недовольный женский голос, оплывшая, с равнодушной физиономией тетка бросила в пакет мокрый зонт, взяла девочку за руку и потащила ее в харчевню. Девчонка топала за матерью и оглядывалась, Илья улыбнулся ей, поднялся на ноги, помотал головой.

– Нет, все в порядке, – произнес он вполголоса, но девочка то ли расслышала его, то ли догадалась по движению губ. Подхватила под мышку свою норовившую выпасть роскошную куклу, кивнула важно и потопала следом за матерью.

На него давно перестали обращать внимание, Илья спокойно вышел на улицу и уже через огромное стекло стены увидел, что обе «шестерки» взяли в оборот администратора ресторана и куда-то ведут его, поддерживая под локотки с двух сторон. Ухмыльнулся себе под нос, потер все еще нывшее колено и побежал к метро, ежась под холодными каплями апрельского дождя. После дивных солнечных дней природа, словно обидевшись на что-то, резко сдала назад, и по утрам несколько раз шел снег, днем переходящий в дождь. Он не прекратился и через полчаса, когда Илья вышел на своей станции и направился к дому. По дороге сделал хороший крюк в сторону, обошел забор детского сада и оказался перед старой одноподъездной девятиэтажкой. Единственная дверь настежь, на стене останки не прижившегося здесь домофона, из сумрака попахивает сыростью и кошками. И груда шприцев под лоджией первого этажа, окна задернуты плотной темной тканью, из-за них доносится музыка. Илья постоял, прислушался, осмотрелся и шагнул в темноту подъезда. Одна ступенька вверх, две, три – и вокруг едва разбавленная мутным светом из-за стекла на площадке выше тьма. Он прошел вдоль стены, касаясь ее кончиками пальцев, потом глаза привыкли к темноте, и он отлично видел ряд старых почтовых ящиков и груду рекламной макулатуры на полу под ними. Нашел в кармане маленький ключ, выждал еще немного и открыл предпоследний в нижнем ряду ящик с пустым квадратом вместо номера квартиры, запустил руку внутрь. Пальцы коснулись холодной рукояти «ГТ», спрятанного за кипой рекламных листовок и газет, пакет из плотного черного пластика тоже никуда не делся. Оружие, как и компромат, в съемной квартире Илья держать не решился: чужое жилье – оно и есть чужое, да и мало ли как жизнь повернется. Вот и пришлось собранный Тарасовым компромат на хранение банку доверить, арендовав ячейку, а оружие и часть денег в нычку прибрать. Суммы внутри хватит, чтобы спокойно покинуть страну, но это на самый на черный день, на случай конца света, Армагеддона или Третьей мировой. И место для «сейфа» удобное, до съемного жилья рукой подать, а порядок в этом подъезде и не ночевал: на первом этаже наркоманы, дальше одинокие, наполовину выжившие из ума старики, еще выше, под крышей – таджико-узбекский интернационал. И свинарник внизу такой, что душа радуется, на него глядя, ибо ни один здравомыслящий человек к этакой грязной груде и близко не подойдет, а уж тем более в ничейный ящик не сунется. О братьях меньших можно вовсе не волноваться, они и читать-то не умеют, если только на растопку бумажки утащат...

Грохнула входная дверь на первом этаже, зазвенели ключи. Илья закрыл ящик на собственноручно установленный неделю назад небольшой замок и повернулся к нему спиной. Навстречу вразвалочку топала всклокоченная бабка, волокла за собой пустую клетчатую сумку на колесиках. Кое-как сползла по ступенькам вниз, отпихнула носком тапки брошенную нерадивым разносчиком макулатуры рекламную газетку и проворчала, подозрительно глядя на Илью:

– Житья от вас нет, весь дом бумажками своими закидали, деваться от них некуда...

– Извините! – Илья подхватил с пола газету и несколько листовок почище, скомкал их и принялся заталкивать в почтовый ящик поверх «ГТ» и пакета с деньгами. Утрамбовал, подобрал новую порцию, отправил следом за первой. Выждал, пока старуха выкатится из подъезда и утопает по направлению к магазину, и направился к своему дому. На подходе, у соседней многоэтажки, постоял немного, словно в раздумьях глядя на экран мобильного, а сам поглядывал по сторонам. Нет, пока можно не шарахаться от каждого шороха и собственной тени, его еще не нашли, не провожают, не следят из машин или из окон дома напротив. Но ключевое слово здесь – «пока», после сегодняшнего письма СБ господина Меркушева будет в полном составе носом Москву перепаживать, и появление здесь спокойных сонных ребят в сером – это вопрос времени, скоро от форы не останется и следа, нужно спешить.

Дома Илья первым делом включил ноутбук, скинул в него фотографии из ресторана, сравнил с предыдущими. И пополнил досье новыми действующими лицами. Откинулся на спинку стула, вернулся в начало файла и принялся вдумчиво просматривать, словно видел впервые в жизни, словно и не сам создал его, сутками просиживая в Сети, сжигая трафик, глаза и нервы. Все, что удалось нарыть на «нового» Меркушева, начиналось и заканчивалось на официальном сайте «Трансгаза». Протокольные фотографии молодежового мужика с квадратной нижней челюстью и белоснежными (явно искусственного происхождения) зубами. На всех фото Меркушев выглядит одинаково великолепно – рожа сытая, ухоженная, зубы блестят, взгляд наглый, снисходительный. И улыбочка – кривенькая, паскудная – осталась неизменной, Илья отлично ее помнил, и снова, как два десятка лет назад, просыпалось не желание – почти физиологическая потребность стереть ее с наглой хари к чертовой матери, стереть раз и навсегда, желательно вместе с носителем, с лица земли. Менялось только окружение извращенца да дорогие костюмы и часы председателя совета директоров поганого концерна. Вот Меркушев обнимается с заезжей штатовской звездушкой непонятной половой принадлежности, вот в торжественной обстановке жмет руку министру небольшого европейского государства, при этом вид у министра неважный – растерянный, если не сказать напуганный. Контракт на поставку природных ресурсов из бездонных российских недр, видимо, оказался выгодным лишь для одной из сторон, и, судя по меркушевской харе, легко сообразить, для какой именно. Дальше господин председатель в окружении попов внимает речи их предводителя в зеленой мантии, а вот обнимается с лошадей. С самой настоящей гнедой лошадей, подаренной господину Меркушеву представителем далекой арабской страны, омываемой водами Персидского залива с одной стороны и Индийским океаном с другой. «Жеребец-трехлетка ахалтекинской породы по кличке Мортимер примет участие в открытии скакового сезона. Мортимер – один из несомненных фаворитов предстоящих заездов. Присутствие хозяев на скачках и последующий «душ» из шампанского для победителя давно стали традицией...» – уверял текст под снимком.

– Лошадь, шампанское... Да чтоб ты сдох вместе со своим Мортимером, хотя нет, он-то тут при чем, сто́ит, поди, как вертолет, и опять же на мясо можно сдать, все польза – пробормотал Илья, но очередное пожелание разбилося об экран монитора, Илья прокрутил лист дальше, бегло просматривая строки под выделенными жирным заголовками. О Валеркиной жене и детях не упоминалось ни единым словом или просто намеком на существование таковых, школа – здесь все давно понятно, едем дальше, общие друзья – их нет, не было и быть не могло, общие враги – отсутствуют, общее прошлое – тут начинается интересное. Просто прошлое, все, что осталось в памяти с тех лет – без эмоций, без отношений и обязательств, просто картинка, фон, общий план. И в нем было несколько человек – Илье даже удалось вспомнить их фамилии, имена и лица, – принадлежавших к кругу если не друзей, то как-то пересекавшихся по жизни с засранцем, ухмылявшимся сейчас с экрана. Но, если верить базам данных МВД, налоговиков, гайцов и прочих учреждений, уже покинувших

этот мир, причем за один год, словно кто-то старательно выкосил этот самый ближний круг. И сделал это аккуратно и пристойно, если можно так назвать ДТП, нападение грабителей, взрыв газа и остановку сердца с последовавшей смертью в реанимации их общего, одного на всех, родного города.

– Нет, все в жизни бывает, я понимаю... – Илья в сотый раз перечитывал строки меркушевского «досье».

Некто Черкашин Руслан, сегодня ему бы исполнилось сорок два года, скончался от сердечного приступа. Помнил он этого Черкашина смутно, вроде учился тот в параллельном классе или вообще учебу забросил – говорили что-то такое, невнятно, он тогда мимо ушей пропустил и благополучно забыл. И что потом у Руслана этого с Меркушевым дела какие-то общие были, пока Валерка из города не уехал, и, если опять-таки верить базам, у этого Черкашина остались вдова и дочь. Следы девушки обнаружились в соцсетях, в данный момент Алена с матерью жила в Москве, заканчивала учебу в институте и собиралась замуж.

– Первым делом самолеты, ну а девушки потом... – Илья крутанул колесико мыши и оказался в конце документа.

Не самолеты, понятно, сейчас на очереди, с самолетами как раз все понятно. Их у Меркушева есть аж две штуки – семиместная «Сессна» и «Гольфстрим» на дюжину персон. Порадуемся за человека, есть на чем пробки московские облететь, а также в Италию или другую страну с благоприятным климатом на выходные сгонять. Сейчас не об этом, главное – вот эти два заголовка, под которыми пусто: родственники. К этому моменту Илья готовился долго, откладывал его напоследок, надеялся, что до крайности не дойдет, рассчитывая найти к Меркушеву более короткий и прямой путь. Обозначить себя, показать, что знает об извращенце – председателе совета директоров такое, что волосы дыбом, и предложить сделку. Свое молчание в обмен на помощь в выезде из страны. Хоть и заранее знал, что обречен, что затея глупая, что с тем же успехом он может попытаться договориться с оголодавшей разозленной гиеной, попросить ее разжать зубы и отойти от полудохлого путника в обмен на обещание принести через неделю яблоко или пару картофелин, но надо же с чего-то начинать.

– Гнида! – выдохнул Илья и уставился на монитор, ждал, пока загрузится ментовская база. Именно в ней он нашел большую часть информации, собрал по обрывкам, по фрагментам изрядный кусок меркушевского прошлого, прошлого его друзей и рассчитывал там же неплохо поживиться в смысле сведений о родне врага.

Шантаж, заложники, угрозы обнародовать компромат – в дело сейчас пойдет все, что угодно, все, до чего дотянется, все средства хороши. Мать, отец, брат – крючков полно, выбери любой. Если только они до сих пор в стране, а если нет, что тогда? Лететь туда, искать или ждать, пока родственнички не заявятся на родину, мучимые тоской по родным осинам? И сколько ждать – год, два, три?... А Ольга, а Лиза с Мишкой – им что, тоже ждать?

– Погнали! – Он забил в строку поисковика фамилию и имя отца Меркушева, приготовился к долгому ожиданию, но все закончилось меньше чем за минуту: Илья недоверчиво смотрел на монитор.

Меркушев Сергей Иванович, проживавший в том же городе, где и его чудовищный сынок, только по другому адресу, был убит собственной сожительницей еще восемнадцать лет назад и покоем на том же кладбище, где закапывали неопознанные трупы жертв маньяка. Сожительницу можно было понять: она застучала нового мужа на своем ребенке в момент совершения супругом насильственного полового акта и немедля грохнула Меркушева Сергея Ивановича, нанеся ему одиннадцать ножевых ранений, три из которых оказались смертельными. Бабе за самосуд дали двадцать лет строгого режима, она до сих пор еще пребывала где-то в местах с холодным климатом и неприветливой природой, о судьбе ребенка база МВД умалчивала.

– От осинки не родятся апельсинки, – констатировал Илья, скопировал находку себе в досье и забил в поисковик фамилию Валеркиной матери. Здесь пришлось покопаться основательно, ответ выдала только база коммунальщиков. – Выписана по смерти. – Илья внес в досье короткую строку с датой десятилетней давности. Слишком легко отделалась, умерла, поди, в собственной постели. Жаль, что так вышло, знала ведь, гадина, кого на свет произвела, знала все, рядом стояла, видела и ни слова поперек не сказала, на помощь своему выродку спешила, когда его Наташка на даче застукала...

Все, круг замкнулся, Меркушев чист со всех сторон. Его мать и отец на том свете, о существовании в природе его собственной семьи ничего не известно. Остается последнее – брат подонка. О нем Илья не помнил вообще ничего, кроме того, что этот последний крючок, родственник Валерки, был младше его на несколько лет. И что его никто и никогда не видел, только знали о его наличии – и все. Возможно, что-то могла сказать мать Натальи, но зимой Илье было не до того, а сейчас поздно, придется выкручиваться самому. Возник на мгновение соблазн вновь воспользоваться услугами если не Тарасова, то одного из их племени, но так же быстро улетучился. «Вам знакома эта фамилия?» – тогда удалось свести все к шутке, второй раз вряд ли получится.

– Что бы я без вас делал? – Илья сложил диски с базами в аккуратную стопку, взял верхний, с абонентами сотовых операторов, отправил его в дисковод. Затем заменил на базу паспортно-визовой службы, следом пошел в дело перечень криминального учета происшествий. И потом все остальные, вплоть до последнего, за него Илья взялся уже глубокой ночью, плохо соображая, что происходит и что он делает.

Глаза закрывались, от усталости и мелькания перед глазами цифр, имен и фамилий мутило, сжимавшие мышшь пальцы пару раз сводило судорогой. Матрица игнорировала брата Меркушева, для нее он не существовал – ни живым, ни мертвым, логично было предположить, что Меркушев-младший покинул этот мир еще до ее возникновения на российских просторах. Оставалось еще несколько дисков, но в глаза словно песка насыпали, голова гудела, мысль в ней была только одна: отшвырнуть подальше ноутбук и не видеть его дней несколько, чем дольше, тем лучше, – вид голубого экрана вызывал тошноту.

– Завтра, я подумаю об этом завтра, – пробормотал Илья и поднялся со стула, подошел к окну, уставился на желтые окна дома напротив. Он только что повторил фразу из любимого Ольгиного фильма, она могла смотреть его снова и снова, хоть с середины, хоть с конца, знала наизусть, обожала героев, забывала обо всем, погружаясь в сказку. Сказку, тогда добрую, со счастливым концом, а сейчас страшную. «А Ольга... Я не знаю, честное слово. Я ее родителям звонил, Тамара Ивановна меня послала куда подальше – и весь разговор», – снова всплыли в памяти сказанные еще зимой слова отца, и прошло уже почти два месяца, снег давно растаял, на деревьях появились первые зеленые листья. «Я не знаю...»

Илья уткнулся лбом в стекло, зажмурился, перед глазами замелькали имена и даты, строки змеились, пошли волнами и рассыпались, но на их месте возникали новые. Сейчас только от него зависит, сколько продлится эта неизвестность, когда закончится страшная сказка – для Ольги, для Лизы с Мишкой и для него самого. Развернулся, решительно шагнул к столу, придвинул «уснувший» ноутбук.

– Иди сюда, скотина! – Илья взял диск с базой данных «Наркоучет». – Иди сюда, сволочь! Я знаю, что ты существовал на этом свете, и я тебя найду, я знаю, что ты не сдох при рождении, а прожил как минимум пятнадцать лет и даже дольше. Слепну, но найду.

И нашел, уже ранним утром, таратился бессмысленно то на таджика с метлой внизу на тротуаре, то на монитор перегревшегося ноутбука. «Меркушев Вадим Сергеевич, тридцать шесть лет, диагноз: галлюцинаторная параноидальная шизофрения, непрерывная, с прогрессирующим течением». И адрес лечебного заведения, поставившего диагноз: московская областная психиатрическая больница под номером пять, где пациент пребывал, к сожа-

лению, всего ничего – какие-то три паршивые недели два года назад. Дальше шло что-то еще сугубо медицинское, на нечеловеческом языке, из которого Илья понял только одно – Меркушев Вадим таким и появился на свет божий и до сих пор его не покинул, находясь за высокими и, хочется верить, крепкими стенами психушки. По крайней мере два года назад все обстояло именно так, если верить последнему диску с базами данных психоневрологических диспансеров. И куда потом делся – непонятно, о дальнейшем жизненном пути или смерти Меркушева Вадима Матрица ничего не знала.

– Теперь понятно, почему от вас папаша сбежал. – Илья перенес добытые сведения к себе в досье, не забыв скопировать адрес дурдома, и выключил ноутбук.

Вот, собственно, и все, теперь дело за малым – тут езды на час с небольшим, завтра, вернее, послезавтра он прокатится за шестьдесят километров от Москвы, найдет это заведение, поговорит с персоналом и все узнает.

– Только бы он не помер, – твердил Илья, пока умывался и укладывался спать, – только бы его в Швейцарию или еще куда подальше не увезли. Да если даже увезли, я его и там найду. Вот же семейка, прости господи, было у мужика два сына, и оба уроды. Как и сам папаша...

Уже в полусне он спохватился, нашарил мобильник и поставил будильник на половину двенадцатого дня. У него же в два встреча, практически рандеву, опаздывать некрасиво, и выглядеть надо соответственно, а не как зомби, пять минут назад смотревший на него из зеркала в ванной. Легенда к предстоящей встрече готова, он озвучил ее еще несколько дней назад по телефону, надо придумать еще одну, для врачей, но не сейчас.

– Завтра, – сам себе пообещал Илья, – я подумаю об этом завтра.

И только закрыл глаза, как сразу стало темно, словно задули свечу.

На Белорусском вокзале он оказался за десять минут до назначенного времени, успел осмотреться, найти зал, где продавали билеты на аэроэкспресс до Шереметьево, налюбовался на сами скоростные поезда, точно по расписанию отбывавшие в сторону международного аэропорта, прогулялся вдоль длиннющего поезда «Брест – Москва». И вернулся к условленному месту встречи. Небольшой зал ожидания был переполнен, гул голосов, звонки мобильных, смех – в толчее он не сразу разглядел семью Черкашина, его дочь и вдову. Пришлось звонить, с кресла поднялась высокая полноватая девушка со светлыми волосами, рядом стояла ее мать. Тоже высокая крашенная брюнетка с ярким макияжем недоверчиво смотрела на подходившего к ним Илью.

– Руслан умер больше года назад, вы опоздали, – вместо приветствия заявила она, – странно, что о нем кто-то еще помнит. Да еще и одноклассник.

Разговаривать было неудобно, на них с любопытством посматривали сидевшие напротив – мужик с банкой пива в руке, строгая блондинка лет сорока, даже парочка влюбленных голубков перестала ворковать и уставилась на Илью. Тот протиснулся между чемоданами и сумками, устроился на свободном кресле и растерянно улыбнулся:

– Вот горе-то, жаль, мы с ним увидеться не успели. Лучшими друзьями были, пока родители меня в другой город не увезли. Я вот Алену, – он кивнул на девушку, уткнувшуюся в айпад и участия в разговоре не принимавшую, – случайно в Интернете нашел. Думал, с Русланом встречусь, а тут такое... А как это случилось? Когда?

Подробностей он действительно не знал, чертовы базы, напрочь вынесшие мозги, отказывались сообщать подробности. Если с двумя другими меркушевскими дружками все было более-менее понятно – одного грохнули нарки у дверей собственной квартиры, да еще и ухитрились не только аккуратно прикончить человека заточенной отверткой и мгновенно обчистить карманы, но даже снять дорогие ботинки и часы. Со вторым все было еще проще и скучнее – пьяный в хлам водитель внедорожника практически размазал по асфальту еще одного фигуранта из темного Валеркиного прошлого. А тут как-то все слишком просто: сер-

дечный приступ. У здорового мужика, только-только разменявшего пятый десяток. Странно, если не сказать больше.

– Он умер у себя в кабинете. – Вдова Черкашина опустила глаза, отвернулась и уставилась в окно, на уходящий в сторону аэропорта поезд. – В своем кабинете, его обнаружила секретарь, но было уже поздно, у Руслана началась агония, «Скорая» констатировала смерть. Что еще вас интересует?

Вдова – ее звали Марина – подняла на Илью покрасневшие глаза. Похоже, для нее это действительно горе, и рана еще свежа, еще не затянулась, он невольно разбередил ее, зачем-то причинил боль этой женщине.

«Все интересуется...» Слова застряли в горле, тщательно продуманный монолог вмиг забылся, словно кто-то прошелся ластиком по «жесткому диску» в голове. Но надо было что-то говорить, делать подходящее случаю выражение лица, интонации и прочее внешнее проявление растерянности, если не скорби, поэтому пришлось импровизировать на ходу.

– Надо же, – бормотал Илья, глядя на здоровенный полосатый чемодан возобновившей воркование парочки напротив, – кто бы мог подумать. Руслан – и сердечный приступ. Они же с Валеркой Меркушевым ровесники были, тот еще как орел, а Руслан... Они же общались после школы или я что-то путаю?

Марина уже собралась что-то ответить, но Алена, до сих пор не подававшая голос, оторвалась наконец от игрушки на айпаде, внимательно посмотрела на Илью:

– Да, он с папой в одном классе учился, я знаю. Потом у отца бизнес был, небольшая гостиница и сауна, я помню, я там была несколько раз. И Меркушева тоже помню, он со своим другом приезжал. Отец им ключи отдал, и мы сразу уехали.

Теперь на Илью смотрели две пары абсолютно одинаковых глаз – карих, с едва заметными зелено-золотыми искрами. Марина опасливо глядела на дочь и – снизу вверх, из-под ресниц – на Илью, в темпе соображая, не выболтала ли Алена лишнего.

– Ого! Сауна! – восхитился Илья. – Здорово, отличный бизнес. А что, Валерка часто там бывал?

– Не знаю, – отрезала вдова, – он нам не докладывал.

– Часто, – глянула из-под длинной русой челки Алена, – раз в неделю точно, я хорошо помню. Отец с Меркушевым вашим общался, а тот, второй, неподалеку болтался, все отворачивался или в машине сидел, лицо прятал. Меня увидит и отвернется, поэтому я его хорошо запомнила.

«А что еще ты запомнила?» – едва не сорвалось с языка, но Алена в навоящих вопросах не нуждалась, на гневные взгляды матери внимания не обращала, смотрела только на Илью и – краем глаза – на панель айпада.

– Меня отец на работу с собой брал, когда дома оставить не с кем было. Поэтому я и Меркушева помню, и второго мужика. Когда они приезжали, всю прислугу отпускали, отец гостям ключи отдавал и сам сматывался. Второй мужик – не наш, не из города, высокий, лицо длинное, узкое, глаза голубые, под носом шрам, даже губа верхняя чуть приподнята, так что зубы видны. И смотрит нехорошо, оценивающе, что ли, даже не по себе, улыбка мерзкая. Глянет и отвернется или голову опустит, его, кажется, Аркадий звали. А Меркушев при нем что-то вроде прислуги – крутился вокруг, как лакей, аж противно. А тот, с длинной рожей, ему приказывал – пойди туда, потом туда. Он и бегал туда-сюда, один раз даже за пивом сгонял, я видела, – залпом выдала Алена, и поглядела в окно на подъехавший пустой экспресс. Марина поднялась с кресла, щелчком вытащила ручку из чемодана.

– Пошли, регистрация уже началась. В Египет на недельку отдохнуть летим, – пояснила она Илье, – на солнышке погреться, в море поплавать. Надоели московские дожди.

Она пробралась между рядами кресел и направилась к выходу на платформу, к хвосту уже образовавшейся очереди. Алена закинула на плечо рюкзак и направилась следом за матерью, Илья шел следом.

– А еще что-нибудь ты помнишь? – негромко спросил он, не рассчитывая на ответ. Сколько ей было тогда – десять лет, двенадцать, когда Черкашин завел на окраине города недорогой бордель? А место и впрямь живописное – приток озера рядом, лес, камыши, тростник – романтика, да и только, неудивительно, что Валерка на заведение Черкашина глаз положил. И продержался бордель довольно долго, лет пять-шесть, если не больше, потом сгинул, одновременно с выходом рыночных отношений на новый уровень. И что же за дружок такой, перед которым Меркушев половичком стелился, посмотреть бы хоть одним глазком... В сауну его водил, за пивом гонял. Не за пивом, ясное дело, этого добра им Черкашин, поди, цистернами поставлял. А за чем тогда?..

– За домом озеро начиналось, только берег топкий, в воду не зайти, – проговорила Алена, – а мне там нравилось. Тростник, осока, вода плещет, утки, рыбы – я часами могла на них смотреть. И в тот день тоже пошла, на свое место, где коса песчаная, маленькая, но вода рядом чистая, не заболоченная. А на берегу одежда рваная валялась, вся в темных пятнах, песок перерыт, словно его собаки копали. Я тогда испугалась и ушла оттуда, но отцу ничего говорить не стала, потом мы уехали, а через неделю девочку мертвую недалеко нашли. И ни Меркушева вашего, ни его друга я больше не видела. Иду я, иду! – Она заторопилась к тревожно обернувшейся матери, проталкиваясь через толпу. Подошел состав, у перрона остановились красные вагоны, толпа из предбанника ринулась к ним, рассосалась, пассажиры рассаживались по местам.

Мать и дочь Черкашины исчезли из виду, Илья бесцельно брел вдоль вагонов, смотрел то на окна аэроэкспресса, то на зеленое здание вокзала. Вот и еще одна тайна перестала быть таковой: Черкашина убили по Валеркиному приказу, это к гадалке не ходи. Таинственный друг, ключи от сауны, рваная одежда на берегу. Кто ж такого свидетеля в живых оставит, явно Черкашин видел и знал больше, чем Алена, и молчал, разумеется, ибо жизнь и здоровье свое ценил превыше всего. Но то ли лояльность хреново демонстрировал, то ли еще черт знает что – не вывезла его кривая, и хозяйина придорожного борделя в расцвете лет настиг сердечный приступ. Что ж за друг такой у Меркушева нарисовался, да еще и со шрамом на самом видном месте – это только сам Валерка знает, может, и расскажет, если хорошо попросить...

Экспресс тронулся с места, мимо покатила вагоны, и Илье показалось, что в одном окне мелькнула и челка Алены, и встревоженное лицо ее матери. Вроде Марина замуж больше не выходила, да и зачем ей, если рассудить, – жилье есть, дочь скоро пристроит, деньги тоже имеются, а маленькие женские радости не требуется регистрировать в учреждениях, заведующих актами гражданского состояния. Хорошо устроились тетки, покойный муж и отец неплохое будущее им обеспечил, известно, правда, за чей счет...

«Пора и мне в дорогу...» Илья посмотрел на последний вагон уходящего поезда, отвернулся и направился через зал ожидания к метро. По дороге передумал, пересмотрел планы и скорректировал маршрут. Любопытство – назойливая штука, надо избавляться от нее любыми способами: или послать куда подальше, или поддаться целиком и полностью. И сделать все, чтобы получить ответ на свой вопрос.

«Это ты один постарался или Аркадий помог? Сколько лет было той, на берегу озера? И сколько было вас – один, двое, трое? Черкашин с вами резвился или только баньку топил? Ответь, умоляю, я никому не скажу. А это тебе бонус – картинка на ночь!» В аттаче к письму на адрес «Трансгаза» ушли фотографии вскрытых могил – неопознанных, у дальней стены городского кладбища, и детских, с гробами, полными собачьих костей.

«Письмо успешно отправлено» – вот и славненько, теперь ждем. Илья убрал телефон, толкнул перед собой пустую корзинку на колесиках и оказался в зале супермаркета. И неспешно покатил вдоль заваленных продуктами полок, брал в руки и придирчиво изучал каждый пакет, каждую банку, что-то браковал, что-то отправлял в корзину. В общем, всячески тянул время, те томительные четверть часа, пока не зазвонил второй – заветный – мобильник.

– Мы готовы к диалогу с вами, – проговорили в трубке. – Условия прежние...

– Чего? – перебил обладателя неплохого баритона Илья. – Это ты мне условия ставишь? Ты башку-то включи, шестерка. Я тебе сейчас сам условий во все дырки понатыкаю, только подставляй. Хозяина зови, с ним говорить буду, а ты в жопу иди и псов своих с собой прихвати. Три раза мимо меня прошли, меняй ты их к чертовой матери...

Трубка умолкла, Илья присматривался к йогуртам в открытой витрине. Надо бы пополнить запасы, дома в холодильнике шаром покати, но, с другой стороны, он же уезжать собирался. Черт, и еще одну легенду надо придумать, но это успеется, Всемирная паутина нам в помощь...

– Господина Меркушева сейчас нет в стране, – вежливо проговорили из трубки. – Потребовалось его присутствие на переговорах, он улетел в Вену два часа назад...

– У Валерки что, мобильника нет? Или роуминг дорогой? – Илья решил и бросил в корзину пару пластиковых бутылок с йогуртом, покатил дальше вдоль стеллажа. Пожалуй, молочки пока хватит, теперь надо что-то посущественнее. Не подозрительной колбасы, конечно, а свежачка, желательно парного. Это вон туда...

– Видимо, мы не совсем поняли друг друга, – вкрадчиво продолжали из трубки. – Я не так выразился, прошу простить меня. Не условия, разумеется, а пожелания. И можете рассчитывать на меня, я представитель господина Меркушева и передам ему ваши условия слово в слово. А он встретится с вами лично, как только вернется в Москву.

– Вот тогда и поговорим. – Илья изучал ассортимент мясного отдела. – С шестерками говорить – только время терять. Тебя как, представитель, зовут?

– Тынский Леонид Васильевич, – после короткой паузы представился собеседник.

– Значит, так, Тынский... – Илья крутил в руках упаковку свежайшей вырезки, глянул на цену, вздохнул и положил мясо в корзину. – Так Валерке и передай – говорить я буду только с ним, все должно остаться между нами, это очень личное, понимаешь? И не твоего собачьего ума дело. Я доступно объясняю?

– Вполне.

Илья был готов поклясться, что где-то недалеко отсюда собеседник скрипнул зубами, но эмоции проглотил, помня, что находится при исполнении.

– Вот и хорошо, – похвалил сдержанного Тынского Илья, – кстати, ты в каком звании? Не хочешь – можешь не отвечать, мне просто интересно.

– Полковник ФСБ в отставке, – без промедления доложила трубка.

«Неслабо...» Илья направился к кассе, остановился в хвосте очереди и отошел немного в сторону, присматриваясь к толчее у входа, но быстро бросил свою затею, отвернулся и негромко проговорил на прощание:

– Вольно, полковник, можешь оправиться, закурить и доложить руководству, что тебя послали на хер. Дня два-три меня в Москве не будет, почту можете не проверять. Вернусь – напишу вам еще что-нибудь о личной жизни господина Меркушева. Да, и если он вернется раньше – может мне не звонить, телефон я отключу. А теперь катись! – Илья выключил мобильник, бросил его в карман ветровки и принялся выкладывать покупки на кассовую ленту. Собрал все в пакет и направился, не торопясь, к остановке маршруток, даже не смотрел по сторонам. Еще не хватало – в толпе всякую шушеру высматривать, шли бы они куда подальше, время для непосредственного контакта пока не пришло.

Дома он еще раз перебрал все мысленно – что узнал сегодня от Черкашиных, что услышал, какие сделал выводы. Занес кропотливо новую порцию грязи из меркушевского прошлого в досье и мрачно уставился на страницу поисковика. Деваться некуда, завтра надо быть во всеоружии, предварительно отоспавшись, а времени уже нет. Так что поехали...

Легенда оформилась и обрела окончательные черты минут через сорок, Илья перечитал строки «диагноза», зажмурился, помотал головой. Итак, завтра с утра и до обеда он – родственник несчастного, страдающего тяжелым расстройством психики, а именно кататонической формой шизофрении. Не совсем как у Меркушева Вадима, но что-то близкое и явно подлежащее лечению в учреждении соответствующего профиля, что намеревался посетить завтра. Поэтому решил не мудрствовать, нашел в перечне душевных расстройств подходящий случаю недуг и принялся вдумчиво изучать его симптомы.

– Проявляется преимущественно нарушениями в двигательной сфере и характеризуется заторможенностью (ступором) или возбуждением. Ступор проявляется обездвиженностью, повышением мышечного тонуса и отказом от речи, когда больные постоянно молчат. Возбуждение может проявляться импульсивными, неожиданными поступками: больные могут внезапно встать, побежать, впасть в состояние неистовой ярости, агрессии. Нередко могут наносить себе и окружающим телесные повреждения... Ступор мне нравится больше, с другой стороны, возбуждение тоже неплохо, интриги больше, опять же не скучно. Нет, лучше ступор, от буйного могут отказаться, – рассуждал Илья, не забывая принохиваться к доносившимся из кухни запахам почти готового к употреблению ужина.

Придется завтра недолго побыть дядей впавшего в шизофренческий ступор племянника. Родные обеспокоены состоянием дитяти и готовы хорошо заплатить за избавление несчастного от недуга.

– Вот и славненько... – Илья втянул носом воздух и рванул в кухню, пробегая мимо зеркала в коридоре, мельком глянул на себя. С таким лицом надо что-то делать, больно уж физиономия довольная, особенно в предвкушении обильного ужина и предстоящего продолжительного сна, не тянет он на роль озабоченного состоянием душевного здоровья убогого племянничка, никак не тянет.

Утро все расставило по местам: давка в электричке, сограждане, с видом киборгов прущие напролом, перебранка с контролерами, грязь – к месту назначения Илья прибыл сосредоточенным и в меру злым. Прошел через красивейший парк из старых берез и лип, перебежал дорогу и оказался у зеленой двери КПП на входе в дурдом, вошел и первым делом уперся коленом в стальные прутья турникета-вертушки.

– Неприемный день, – вместо приветствия буркнула из-за стекла бабушка в синем бушлате с шевроном «Охрана» во всю грудь и загородилась от посетителя женским журналом.

Илья постучал по перегородке костяшками пальцев и показал нахмуренной стражнице пятисотенную купюру. Старушка поморгала, отложила журнал и придвинулась к испещренному дырочками (то ли для лучшей слышимости, то ли для вентиляции) фрагменту стекла.

– Чего тебе? – донеслось приглушенно. В окна сторожки стучал дождь, и было очень холодно, при каждом слове изо рта вырывался пар. Бабка поплотнее закуталась в бушлат и сняла очки, воззрилась на посетителя бледно-зелеными глазами.

– К главврачу надо, – заявил Илья. – Поговорить и сразу назад. Племянник у меня больной, хочу посоветоваться. А то на людей уже кидается, пекинеса нашего чуть насмерть не загрыз, хомячком об стену кинул, еле отскребли. Хомячка, понятное дело, не племянника. Таблетки не помогают, уколы тоже, я его боюсь, собака и родители тоже. Совет нужен квалифицированный.

– Наш клиент, – понимающе кивнула бабка, грохнула чем-то внутри, и вертушка пришла в движение, крутанулась, больно ударила по голени.

Илья придержал железку, подсунил купюру в щель между стеклом и стойкой, шагнул вперед.

– Сюда его вези, здесь для таких, буйных, целое отделение, скучно твоему племяшу не будет! – продолжала охранница, подгребая купюру к себе, накрыла ее аляповатым журналом. – И санитары за ним присмотрят, и укольчики доктор назначит, и палаты оборудованы, а если заплатите, то и в отдельную можно...

«Отдельная палата! Точно, так оно и было, к гадалке не ходи!» Илья был готов расцеловать старуху. Черт, а мог бы и сам сообразить, что вряд ли Меркушев своего чокнутого брата в общем стаде держал, в отдельную клетку его упекли, для VIP-придурков. Вот оттуда и надо начинать, с отдельной палаты в смысле, вопросики наводящие позадавать, глядишь, что и выяснится...

– По аллее прямо, потом желтый дом увидишь, но тебе туда не надо, тебе налево, в белый, на второй этаж! Там одна дверь, не заблудишься! – донеслось в спину напутствие подобревшей бабушки. Илья кивнул, вежливо помахал рукой на прощание и аккуратно прикрыл за собой дверь. Осмотрелся на крыльце и зашагал по мокрому песку липовой аллеи. Дурка занимала построенное еще до революции поместье богатого мецената и промышленника, последующие передряги, войны и смены власти обошли дом скорби стороной, и психи всех мастей могли невозбранно наслаждаться пусть захламленным, но все еще роскошным старым парком. Помещалась эта красота внутри затянутой по верху «егозой» коробки из бетонных плит, расставленных по периметру территории дурдома. Илье предстояло пересечь ее наискосок, прежде чем оказаться у цели.

Дождь и поднявшийся ветер к прогулкам не располагали. Илья прошагал мимо только-только выпустивших первые зеленые листочки вековых лип, свернул на прилегавшую к аллее чисто выметенную асфальтовую дорожку и пошел по ней. А сам не забывал посматривать по сторонам, но, как ни старался, не высмотрел ни в окнах, ни на покрытых свежей вперемешку с бурой травой газонах ни одной живой души. Проехала по дороге к воротам белая «Газель» – и все, снова только ветки лип шевелятся над головой да летит в лицо мелкая морось. Желтый дом остался справа и позади, прямо по курсу за стволами деревьев показалось белое трехэтажное здание явно постройки если не позапрошлого, то самого начала недавно минувшего века. Широкое крыльцо с узкими стертymi ступенями, три колонны с затейливыми капителями подпирают крышу, узкие окна, толстые стены, вблизи оказавшиеся кирпичными и по чьему-то приказу небрежно покрытые нетолстым слоем белой краски. Дверь оказалась под стать мощным, в несколько рядов кирпича, стенам, Илья открыл ее со второй попытки и оказался в пустом гулком холле. О славном прошлом дома-усадыбы напоминали только высокие сводчатые потолки да узор из мелкой белой и коричневой мозаичной плитки на полу под ногами. Зато здесь была жизнь – навстречу Илье неторопливо шел невысокий пузатый мужичок в черной форме с точно таким же шевроном на груди, что украшал телогрейку доброй бабушки-охранницы. Выглядел мужичок возмущенно и заинтересованно одновременно, Илья томить его ожиданием не стал, шагнул навстречу и заговорил первым:

– Мне с врачом поговорить надо. По поводу родственника, хочу его к вам на постой определить. Буйного, – на ходу поменял он заготовленную накануне легенду и умолк, увидев, как охранник резко сбавил прыть и задумался на полпути.

– Буйного? – проговорил он врасстяжку. – Я даже не знаю, у них вроде забито все. Сезон же наступил. – Он повел круглым, тщательно выскобленным подбородком в сторону окна. – Весной и осенью от клиентов отбоя нет, пачками привозят. Обострение, – с умным видом заявил он.

– Я заплачу, – обнадежил дядьку Илья, – сколько надо. Только избавьте недели на две хотя бы...

– Курс лечения два месяца, – с профессорским видом оборвал его охранник и показал в сторону широченной мраморной лестницы с коваными, выкрашенными мерзко-зеленого цвета краской перилами. – Главврач у себя пока, поговорите с ним.

Кабинет главврача дома скорби помещался в самом конце узкого длинного коридора. Заведовала хозяйством приятная брюнетка лет сорока пяти, она пригласила Илью присесть, внимательно выслушала и, помедлив с полминуты, согласилась:

– Привозите. Но предупреждаю – если в частном порядке, то исключительно на платной основе. Бесплатно только по направлению психиатра или по показаниям...

– Платно, платно, – немедля согласился Илья. – Только вот что, такое дело... Он у нас... странный немного.

– Я поняла, – сказала врач. – Странные люди – это наш профиль. Привозите, не сомневайтесь. Уколы, витамины, прогулки на свежем воздухе под присмотром обученного персонала пойдут на пользу вашему племяннику.

– Не в этом дело. – Илья покосился в окно, по которому снова стучал дождь. – Дикий он у нас, необщительный. Родных терпеть не может, а уж про чужих и подумать боюсь. Вдруг покусает кого, что тогда?..

– Не покусает, – решительно развеяла его сомнения врач. – У нас еще пока никто никого не покусал, есть множество способов фиксации, знаете ли. А если средствами располагаете, то отдельную палату могу предложить. Но это по отдельному прайсу.

– Вот, вот! – обрадовался Илья и потянулся к внутреннему карману куртки, достал деньги. – Об этом я и говорю. Сколько?

Вместо ответа женщина подняла со стоявшего на столе телефона трубку, позвонила какой-то Ире, поговорила с ней пару минут и улыбнулась Илье, закончив беседу.

– Палата свободна, если оплатите сейчас, то мы ее за вами зарезервируем. Не лично за вами, а за больным. Привозите хоть сегодня, хоть завтра. Посмотреть желаете? Заведующая отделением вам покажет.

Илья желал, объяснив свой порыв исключительно заботой о любимом скорбном раскуском племяннике. Распрощался, получив наставление, как добраться до лечебного корпуса, и откланялся, едва ли не бегом направился к тому самому желтому дому. Но по пути опомнился, пошел степенно, как и полагается состоятельному клиенту, не обращал внимания ни на дождь, ни на резкий холодный ветер, жутковато свистевший в полуголых еще кронах старых деревьев.

В желтом доме было тепло и весело, пахло хлоркой, лекарствами и едой. Дверей в холле оказалось две, и каждой из них можно было легко заменить городские ворота небольшого средневекового поселения. Охрана тоже оказалась серьезнее, дальше развесистого цветка в деревянной кадке Илью не пустили два крупных молодых человека, один не сводил с посетителя взгляда, пока второй дозванивался той же Ире, именуя ее Ириной Николаевной. Высокая краснолицая женщина в белом халате появилась еще через несколько минут, выплыла из-за левой двери, оглядела Илью с головы до ног и вежливо пригласила:

– Пойдемте, покажу вам наши условия. Надеюсь, вашему брату понравится.

– Племяннику, – поправил ее Илья, – родному. Шизофрения у него, сопровождается импульсивными, неожиданными поступками. Я его сам боюсь...

– А не надо было запускать, – наставительно бросила через плечо. – Если бы сразу привезли, мы бы обострение мигом сняли, потом поддерживающая терапия, потом, глядишь, и домой бы ваш племянничек поехал. А то доведут до крайности – и к нам: спасите, помогите, он на нас с ножом кидается...

– И много у вас тут таких? С ножом?

Они шли по просторному коридору мимо наглухо закрытых дверей. И чем дальше, тем острее он чувствовал, что попал не в больницу, а на зону, в тюрьму. Двери металлические или

деревянные, но очень толстые, в каждой – по огромному, размером с блюдо, «глазку», молчаливые молодые люди в грязно-белых одеждах провожают посетителя изучающими взглядами, от которых по хребту невольно пробегают мурашки. «Способы фиксации...» Илья догнал завотделением, пошел рядом с ней.

– Сейчас немного, – отозвалась та, – но встречаются. Два года назад или больше, уже не помню, был тут у нас... пациент. Слава богу, надолго не задержался, избавили нас от него, увезли, хоть по показаниям ему профильный стационар пожизненно показан.

Из-за двери, мимо которой они проходили, послышался то ли вой, то ли плач – тонкий, жалобный, словно забытый под дождем щенок скулит-жалуется на свою судьбу. К нему присоединился второй, третий, хор перекрыл жуткий каркающий хохот, потом отдельные звуки слились в низкий протяжный гул. Завотделением обернулась недовольно, Илья тоже повернул голову и увидел спешивших к двери нехорошей палаты санитаров. Ирина Николаевна мельком глянула на посетителя и ускорила шаг, торопясь поскорее миновать неприятное место.

– Вы не переживайте, – проговорила она на ходу. – В том крыле тихо и спокойно, это здесь общая палата, а там... За окном птички по утрам поют, воздух свежий, и санузел свой имеется, пост дежурного врача рядом, если надо – сиделку дадим, чтобы никуда от вашего племянника не отходила...

– А тот, ну, с ножом который, – осторожно вернул ей прежний ход мысли Илья. – Он тоже в общей лежал?

– Нет, что вы. В отдельной, конечно, я ее вам сейчас и покажу. Все удобно, все чисто, можете сами убедиться...

Завотделением снова принялась перечислять преимущества одноместной камеры и расхваливать ее преимущества перед общей, Илья молча слушал, раздумывая, как бы вернуть разговор в свою сторону, пока они не добрались до цели. Время поджимало, они уже повернули два раза, гул и вопли за спиной стихли, пропала даже вонь от хлорки, пахло только дождем из приоткрытых окон.

– Вы говорили, что забрать можно будет, – придумывал он на ходу, видя, что впереди уже маячит глухая торцевая стена коридора. – А этого, что раньше тут лежал, тоже домой увезли? И дальше что – уколы, таблетки?

– Да какое там – домой! – Ирина Николаевна остановилась перед последней дверью – обычной, из белого пластика, зазвенела немаленькой связкой ключей, выбирая нужный. – Если бы домой... в монастырь его увезли. Не думаю, что это хорошая идея, там человек вряд ли получит квалифицированную помощь, в его состоянии госпитализация необходима по социальным показаниям. Он опасен для окружающих, а из него собрались бесов изгонять... Здесь недалеко монастырь большой, знаете, наверное, паломники к святым мощам старца со всей страны едут, из-за границы, кстати, тоже. И вот в этом-то монастыре с недавних пор мощный экзорцист подвизается, народ к нему толпами валит, бесноватых исцелять везут, чуть ли не целый санаторий там организован. А из них половина, если не больше, – наши клиенты, еще процентов сорок тетки истеричные с гормональными возрастными нарушениями да тихопомешанные. Вперед, в Средневековье, как говорится... Ну, родственникам виднее. Боюсь, что мы скоро снова их здесь увидим. Прошу вас.

Дверь распахнулась, Илья с порога оглядывал помещение. Довольно большое, светлое, очень чисто и тепло, кровать стоит у окна, на полу коврик веселенькой расцветки, на подоконнике цветок с широкими бело-зелеными листьями. Только с той стороны окно закрывают толстые прутья решетки, а с кровати рамы свисают длинные ремни с пластиковыми пряжками. «Фиксация...» Илья шагнул в палату, открыл дверь в дальней стене. Точно, санузел свой, тоже просторный, хоть и совмещенный.

– Дежурство круглосуточное, медикаменты в наличии, персонал аттестован, – бубнила от дверей заведующей, не давала сосредоточиться. Но тут у нее зазвонил мобильник, женщина вышла в коридор и деликатно прикрыла за собой дверь, Илья остался один. Обошел палату еще раз, посмотрел в окно на мокрые от дождя стволы лип. Вот где отсиживался Меркушев-младший, вот где его прятали. От чего, после чего, почему так быстро забрали и, главное, куда отвезли...

– В монастырь, – негромко повторил Илья, осматриваясь в действительно удобной палате. – Бесов изгонять. Кто из них умом тронулся, я не понял... Валерка? Его брат? Или оба сразу? Это ж надо вообще мозга не иметь, даже спинного... Галлюцинации и паранойя с непрерывным течением. Такой по башке топором даст, и ему ничего не будет, ибо галлюцинации... На бесов все свалит.

– Ну что? – возникла в дверях Ирина Николаевна, она приветливо улыбалась посетителю и крутила в пальцах телефон. – Берете? Вам на сколько – месяц, полтора?

– Я не знаю, – сказал Илья. – А на сколько надо? Сколько... лечение длится?

– Кому как. – Завотделением шагнула назад, Илья вышел за ней в коридор, смотрел, как та запирает дверь VIP-камеры для богатых шизофреников, как убирает ключи в карман халата и поворачивается к посетителю. – Кому как. Кому две недели хватит на реабилитацию, кому и полгода мало. Курс – двадцать один день, сами думайте.

– Хорошо, как скажете, – ответил Илья. С минуту по коридорам мимо наглухо задранных дверей шли молча, потом он решился, сформулировал кое-как и задал наконец давно рвущийся с языка вопрос: – И вот еще что, я вас спросить хотел. Если человек не болен на голову, в смысле не шизофреник, не псих, а просто... Один раз решил, что не хочет жить. И попытался убить себя. Его тоже... в общую палату положат? Где... ну, все эти?..

Проходили как раз мимо палаты с наиболее активными обитателями психиатрической больницы, поэтому Ирине Николаевне пришлось повисить голос:

– Нет, что вы, таким место не здесь, а в психосоматическом отделении. Тоже закрытого типа, конечно, и тоже при круглосуточном наблюдении. Но у них и препараты полегче, и режим другой, но тоже строгий.

– Строгий? – переспросил Илья, пытаясь вникнуть в смысл произнесенного в данном контексте слова.

– Конечно, а как же иначе? – искренне удивилась заведующей. – Человек пытался свести счеты с жизнью, следовательно, от него можно ждать чего угодно. Лечение недолгое, месяц, не больше, затем он наблюдается амбулаторно по месту жительства, но в случае повторения попытки самоубийства возможна принудительная госпитализация. И последующая постановка на учет к психиатру, разумеется. А при поступлении в больницу по любому поводу в графе «история жизни» всегда будет стоять запись о попытке суицида. Отношение медицинского персонала к таким больным будет, мягко говоря, специфическим. А вы как хотели?

Они уже спустились на первый этаж и шли через холл к цветку в деревянной кадке у входа. «Как вы хотели... Тварь ты, Меркушев, какая же ты тварь, все продумал. Сам или подсказал кто?» Илья вымученно улыбнулся радушной Ирине Николаевне, заверил, что предложение его всячески заинтересовало, обещал все обдумать и позвонить в самое ближайшее время. А еще лучше – явиться вместе с буйным родственником и передать его в руки опытного аттестованного персонала.

– Всего доброго. – Он вышел из лечебного корпуса и зашагал к липовой аллее, наискосок пересекая территорию психбольницы, подальше от воя и криков, поближе и побыстрее к выходу.

Добрался до будки на границе двух миров, кивнул старушке, с интересом смотревшей на него через прозрачную стенку.

– Нормально все, – заверил охранницу Илья. – Привезу племянника. Мне понравилось. Спасибо вам.

Снова накинул на голову капюшон, махнул бабке и выбрался наконец с территории безумия, вдохнул холодный сырой воздух и двинул к станции. И пока топал под колючим ледяным дождем на электричку, пока ждал ее и ехал один в пустом тамбуре, в голове у него крутилась одна мысль: что след слабый, дохлый, ненадежный, придурком с богатыми и тоже больными на голову родственниками мог быть кто угодно. Но не спросишь же в лоб: «А не Вадим ли Меркушев вам тут две недели мозги выносил? И не его ли братец-детоубийца, председатель великого и ужасного «Трансгаза», об убогом хлопотал?» Но деваться некуда, придется тащиться в этот монастырь. А что – запросто, хоть сейчас: легенда готова, деньги с собой, он просто пойдет по следам Меркушева или другого, неизвестного придурка, решившего лечить больного родственника по рецептам родом из семнадцатого века. Впрочем, это их дело, естественный отбор в действии, может, и загнетса несчастный во время обряда, туда убогому и дорога. Но еще кое-что не давало покоя, грызла исподволь поганая мыслишка, не давала сосредоточиться и еще разок проверить в голове результаты поездки в дурдом.

«Я не похож на паломника...» Илья смотрел на свое отражение в стекле, а перед глазами стояла фигура одетого в рванину изможденного старца с бородой до колен и посохом в руке, мрачно влачащегося по кривым колеям российского бездорожья. Крутилось в голове и невесть откуда возникшее и черт знает что обозначавшее «вериги», смутно имевшее отношение к изможденному постами и воздержанием старцу. Но Илья эти мысли загнал подальше, сосредоточился, излишние и никчемные сейчас подробности отринул, задумался о насущном. Ехать, конечно, и сейчас же, здесь две остановки на электричке, в Москве ему делать пока нечего. Если повезет, то через пару дней полковник Тынский доложит господину Меркушеву о поступлении на общий адрес концерна нового письма. Возможно, с новыми интимными подробностями Валеркиного жития. И этот Тынский, он в курсе забав своего хозяина или Гришина – его рук дело?

– В следующий раз спрошу. – Илья привалился спиной к двери, засунул руки в карманы, посмотрел на редких пассажиров в дверях. Трое вышли, двое вошли, негусто, что неудивительно – погода дрянь, рабочий день в разгаре, народу мало. Снова подняла голову ехидная мыслишка о внешности, отличающей паломника от обычного люда, но Илья загнал ее обратно. Главное – связаться в драку, а там поглядим.

Через два часа ранний вечер все расставил по своим местам. Монастырь с приютом для душевнобольных располагался в самом центре небольшого городка, а гостиницей для паломников служило недавно пережившее капитальный ремонт старинное здание с крохотными номерами-«кельями», окошками-бойницами и толстенными – Третью мировую выстоят, не шелохнутся – стенами. Стоило это удовольствие для провинции немало, не каждому паломнику монастырский приют оказался по карману, вот и пустовала почти половина второго этажа, куда постного вида нездорово-бледная, рыхлая «матушка» с ресепшен определила Илью. Досконально изучила его документы, кое-как, тыкая в клавиатуру одним пальцем, внесла ФИО постояльца в компьютер и выдала ключ. В тесном и душном номере обнаружилось все необходимое для жизни, и, как Илья успел заметить и прекратить волноваться без повода, среди постояльцев монастырской гостиницы преобладали люди самого обычного, невзрачного и чем-то скрытно озабоченного вида. Одеты скромно, неброско, ходят быстро, глазки в пол, шепчут что-то себе под нос, на встречах не смотрят. Мужики – как под копирку, с заросшими рожами и диковатым выражением глаз, тетки похожи на обиженных жизнью матрешек, прячутся под платочками и норовят побыстрее проскочить мимо соблазнов – как одиноких мужиков, так и открытой настежь двери в столовку при богоугодном заведении. Кормили, кстати, там неплохо, хоть мясного ничего и в помине не было, Илья вышел из гостиницы сытым. Постоял в небольшом, отгороженном от мирской суеты и забитой

транспортом единственной центральной дороги небольшого города, скверике, посмотрел на тусклое золото куполов за белой монастырской стеной. И направился к площади, пересек выложенное брусчаткой пространство перед воротами, оказался на территории монастыря. Впереди высился огромный старинный пятиглавый храм, справа и слева тянулись стены с прилепившимися к ним палатками и магазинчиками, сновали люди – простые, обычные и среди них – важные, как селезни в брачный период, – люди в черном. Пути мирян и «братии» не пересекались, каждый шел своим курсом, заблаговременно уходя в сторону, дабы не впасть в соблазн или не оскорбить ненароком чьих-либо тонких чувств. Присмотревшись, Илья понял, что подобный порядок соблюдают абсолютно все, и призадумался – не открывшая рта, будет непосто разуть, здесь ли Меркушев прячет своего безумного брата, а если не здесь, то где именно.

Илья пошел дальше вдоль расписной стены длинного приземистого здания под плоской зеленой крышей, посматривал по сторонам, прислушивался к робкому шепоту тетушек и пришибленных мужиков. Они с благоговейным страхом смотрели на уходившие в серое небо купола и смутно различимые в подступавших сумерках лики под ними, крестились неловко и смиренно опускали глаза долу. Илья поймал на себе несколько не то чтобы подозрительных – изучающих взглядов и не сразу сообразил, в чем дело. Он ведет себя как турист – бредет праздно, глаза по сторонам, только «мыльницы» на груди не хватает. «Не ваше дело!..» Не меняя выражения лица, он направился дальше, понимая, что если попытается соответствовать толпе, получится только хуже. Он уж и сам забыл, когда последний раз в церковь навещался. Кажется, Лизу тогда крестили, теща настояла, до истерики дошло, он и сдался. И как все прошло – смутно помнит, в дверях стоял, а Лизка потом заболела, неудивительно – ей всего полгода было, и Ольга с дочерью почти месяц в больнице пролежала...

По ушам резанул не крик – жуткий низкий вой, даже рев, словно от боли орало крупное животное. Звук достиг самых низких нот, оборвался, захлебнулся где-то глубоко и снова взмыл, заметался среди мокрых стен, деревьев и каменных крестов небольшого некрополя между храмами. Илья остановился, закрутил головой, пытаясь понять, что породило этот вопль, а он набирал силу, креп, начиная с фальцета, переходил к басам, словно орал не один, а двое, мужчина и женщина. Но Илья никого не видел, кроме застывших, как и он, в недоумении паломников и черных теней «братии», торопившихся убраться куда подальше.

– Кликуша! – с ужасом и восторгом проговорила одна из оказавшихся поблизости «матрешек». – Бесноватая. Пошли посмотрим. – Она ловко подобрала подол длинной мешковатой юбки, схватила товарку-«матрешку» под руку и устремилась через толпу к монастырским воротам. Вслед за ней опомнились остальные, кинулись следом, и Илья остался один на один с мокрыми крестами чьих-то могил. «Кликуша. Бесноватая. Валерка увез своего брата из психушки, чтобы изгнать из него бесов. Мне туда!..»

Илья с опозданием бросился вслед за сообразившей, что к чему, толпой и к цели при- был последним. Впрочем, представление только начиналось, разноголосый рев и утробный вой не смолкали, прервались лишь раз, пока он бежал к воротам, словно человек набрал побольше воздуха в грудь, и возобновились, да так, что Илье стало не по себе. Человек так орать не мог, не хватило бы сил, объема легких, давно бы лопнули, не выдержав нагрузки, голосовые связки. Но это был человек, женщина, как ему показалось с высоты бортика, на который пришлось взобраться, чтобы оказаться выше голов плотной толпы, лет сорока с небольшим. Очень худая, с впалыми щеками, глаза плотно закрыты, растрепанная, со сбившимся на шею платком, она сидела на нижней ступени каменной лестницы, обнимала руками поджатые, обтянутые цветастой юбкой колени и орала, глядя в стену прямо перед собой. Не орала – а выла на два голоса, словно в ней ожили одновременно два существа и каждое стремилось перекричать другое, тоже настырное, сильное, злое. Тетку мотнуло, она захлебнулась криком, качнулась раз-другой из стороны в сторону, не переставая орать, рыв-

ком вскочила на ноги и со всей дури вцепилась лбом в стену. Толпа охнула и подалась назад, женщина умолкла на миг, раздался тихий хлюпающий звук, вой возобновился, а после очередного удара на стене появились темные пятна.

«Больные могут внезапно встать, побежать, впасть в состояние неистовой ярости, агрессии. Нередко могут наносить себе и окружающим телесные повреждения. Да это же шизофрения в чистом виде, ей галоперидол нужен и помощь обученного персонала. И фиксация...» Илья спрыгнул с бортика, ломанулся через толпу, неблагочестиво расталкивая паломников локтями, отдавливая ноги самым непонятливым или неповоротливым. Оказался у кликуши за спиной, схватил за локти и оттащил от забрызганной кровью из разбитого носа стены. И едва смог справиться с хилой на вид теткой – она выла и вырывалась с такой силой, как попавшая в капкан рысь или столь же крупная кошка. Илью передернуло при виде оскала на лице бесноватой. Он не давал повернуть ей голову, всерьез опасаясь ее острых мелких зубов. А вой был уже не бессмысленным набором звуков, тетка кляла его последними словами, да в таких сочетаниях, что большинство из них он слышал впервые в жизни, даже при своей достаточно насыщенной и богатой событиями биографии. «Бесноватая, точно!» Он уже и сам был готов поверить в этот бред, нельзя же не верить своим глазам и ушам, а также начинавшим затекать мышцам. Тетка билась в его руках, пыталась лягаться, толпа за спиной охала и подавала советы, Илья уже был готов повторить пару фраз с описаниями и направлениями из лексикона бесноватой, когда подоспела помощь. По лестнице, прыгая через ступеньку, мчались три чернорысих «брата» – крепкие, плотные, неуловимо похожие на тех, что бродили по коридору дома скорби, заглядывая в «глазки» палат подопечных. Только одеты местные санитары не в белое, а так один в один. Подлетели, перехватили плюющуюся, воющее на все лады существо, потащили вверх по лестнице, не без труда преодолевая сопротивление. Илья выдохнул, отошел в сторону и почувствовал, как его осторожно тронули за локоть. Повернул голову и на фоне расходящейся толпы увидел третьего «брата» – невысокого, с несерьезной курчавой бороденкой на круглой, покрасневшей после бега физиономии, возрастом тот был лет на пять-семь постарше первых двух.

– Ловко ты ее, мы еле успели. Не справляемся, напыв большой, болящих много к отцу Никите притекает, а бесы святость чувствуют, себя показать рвутся, – говорил он скороговоркой, пристально глядя на Илью. – Сейчас святой водой ее покропят, молитовку прочтут, и отпустит ее недуг, успокоится, сердечная.

– Я привык, – отозвался Илья. – У меня племянник такой же, только не орет. К врачам возили – не помогло, сюда теперь привезти хочу. Я слышал, тут санаторий для больных есть. Если поможет, заплачу, сколько скажете. – Илья вытер пальцы бумажным платком и ловко бросил его в урну, замолчал, смотрел на «брата» сверху вниз. Тот тщательно перекрестился, прошептал что-то неразборчиво, перекрестился еще раз и заговорил, глядя в сторону:

– Отец-настоятель должен благословить, а он уж полтора месяца как преставился. Нового пастыря ждем, неизвестно, когда и прибудет.

– А без благословения? За деньги? Сразу плачу, наличными, – ускорил события Илья. «Брат» мялся, как школьница перед пожилым похотливым завучем, возводил глазки к небу и все рассматривал Илью – то исподволь, то пялился в упор.

Не торопясь, Илья достал из кармана куртки небольшую пачку купюр, развернул ее, вытащил тысячную, подумал недолго, присовокупил к ней еще одну такую же, сложил и подал монаху. Тот протянул руку, отдернул, обернулся, крутанул головой влево-вправо, ловко сцапал деньги и спрятал их в широкий черный рукав. И уставился себе под ноги, только что не покраснел стыдливо.

– Ну так что? – торопил Илья не ко времени скромного монаха, и тот сдался.

– Ты где живешь?

– В гостинице, – качнул головой в сторону гигантского проема монастырских ворот Илья.

– Хорошо. Завтра сюда приходи, к надвратной церкви после заутрени, попроси матушку внизу, она тебя разбудит. Придешь – брата Исидора спросишь, это я. Я тебя сам отвезу, бесноватых здесь не держат, на подворье ехать надо. Тут недалеко, – заметив, что Илья собирается перебить его, заторопился Исидор, – минут пятнадцать. С отцом-экономом поговоришь, он там свое послушание несет. Если благословит – привози племянника. Спаси Господи.

«Брат» смиренно склонил голову и потопал к лестнице, ловко, по-женски, поддерживая полы длинной черной хламиды. Толпа у лестницы уже рассосалась, Исидор вкатился по лестнице вверх и пропал под резным деревянным навесом. Илья осмотрелся по сторонам, запоминая место. «Надвратная церковь...» Он поднял голову и сразу понял, о чем идет речь. Действительно, над воротами монастыря угнездилась надстройка с пятью узкими куполами, оттуда слышались песнопения и чей-то требовательный громкий голос, но слов Илья так и не смог разобрать, как ни старался. С местом все понятно, теперь со временем надо разобраться – утренняя, заутреня: во сколько начинается и, главное, во сколько заканчивается? Не опоздать бы или раньше часа на два не притащиться, да еще и отоспаться надо и поесть как следует, черт его знает, что ждет его завтра и какие порядки этот отец-эконом у себя на подворье завел.

Подняться пришлось ни свет ни заря, разбудил Илью еле слышный деликатный стук в дверь, словно кошка скреблась. Так обычно поступала Фиска, если хозяева утром не торопились открыть дверь спальни и наполнить едой ее миску. Но деликатности ей обычно хватало на минуту, не больше, потом Фиска начинала требовательно орать и бодать створку. «Матушка» же поскреблась в дверь еще раз, прошелестела что-то благодатное и удалилась. Завтрак тоже не состоялся: Илья постоял пару секунд перед закрытой дверью «трапезной», прислушиваясь к признакам жизни изнутри, и вышел на крыльцо. После короткой пробежки на голодный желудок остатки сна испарились, пропали вместе с редевшим туманом, и «брата» Исидора Илья увидел первым. Тот шагал вдоль газонного бордюра, заложив руки за спину и глядя строго перед собой. Заметил Илью, шагнул ему навстречу:

– Деньги взял? Вот и хорошо, заплатить вперед надо, по уставу положено... – И повел Илью за собой.

По уставу так по уставу – спорить или возражать Илья не стал, уселся на заднее сиденье черной исидоровой «Тойоты», уставился в окно. «Брат» завел двигатель и взял с места так лихо, что машина сперва присела на задний мост, а потом рванула вперед с низкого старта. Пролетели еще полупустые, донельзя замусоренные улицы городка, проскочили переезд под зазвеневший над головой сигнал и мигавшие запретные огни, попетляли по кривым, совсем уж неприглядным улицам и вырвались за город. Исидор топил под двести, машина летела в крайнем левом ряду, ее заносило на встречу, но «брат» легким движением руки возвращал ее на сантиметр-другой вправо. Вопросов Илья не задавал, только смотрел по сторонам и издали заметил пункт назначения – аэродром прибытия располагался за притаившимися в лесополосе невысокими бело-голубыми каменными стенами, из-за которых торчала невысокая, в цвет ограды колокольня. Ворота открылись как по волшебству, человек – по виду из паломников – поклонился машине, осенил себя крестным знаменем и пропал из виду. Исидор припарковал «Тойоту» на площадке перед старым длинным двухэтажным строением, посмотрел в зеркало заднего вида.

– Подождать придется, – предупредил он Илью. – Ты пока тут походи, погуляй, я отца-эконома найду. Только далеко не уходи, отец Амвросий ждать не любит.

«Да пожалуйста!» Илья выбрался из машины, потянулся и пошел неторопливо по выложенной мокрой плиткой дорожке вдоль покрытых свежей травкой газонов к стене. Шаг,

два, три – он остановился, принялся подозрительно, вытянул шею. Да, так и есть, нос не подвел – от мощной каменной ограды немилосердно воняло канализацией. Словно провало где-то поблизости трубу и ее содержимое привольно растекалось... Непонятно где, потому что запах был, а содержимое отсутствовало – сколько Илья ни присматривался. И работы по ликвидации аварии не ведутся, ни людей, ни техники не видно. Да тут вообще никого не видно, только кусты, деревья и разноэтажные постройки – в центре подворья и «размазанные» вдоль стен. Илья развернулся, добрался до ближайшей развилки и повернул направо, оглянулся на ходу. Нет, по-прежнему никого, только стоит в стороне от ворот «Тойота», да прошмыгнули мимо нее две согнутые в благочестивом поклоне тени. Илья проводил их взглядом – не понять издали, то ли мужики проскочили, то ли тетки, одежда длинная, темная, головы опущены, лиц не видно. Плохо дело, надо поговорить с кем-нибудь из местных, и поскорее, пока Исидор местного завхоза не привел, от него толку не будет. И еще – в сотый уже раз Илья внимательно осмотрелся по сторонам, делая вид, что изучает архитектуру «подворья», – если меркушевский родственник до сих пор здесь, то где-то поблизости должна быть и его охрана. Не взвод, понятное дело, но человека два-три точно имеются, больше – вряд ли, если что, один звонок – и из Москвы кавалерия на подмогу прискачет. Но на первый взгляд тихо все и пусто. А где их вообще держат, психов?

Илья миновал аккуратно подстриженные мокрые кусты, обошел их и остановился на распутье. Справа за стволами тонких березок помещались новенькие домики, с приятными, в цвет топленого молока стенами, Илья даже разглядел белые жалюзи на аккуратных чистых окнах, впрочем, опущенные и закрытые изнутри. Возможно, это и есть непосредственно «санаторий», но соваться туда пока не надо, на кой черт ему проблемы. Вот появится отец-эконом, под его прикрытием и двинем. А пока лучше вон туда наведаться, к странному, неправильной формы сооружению аккуратно напротив бело-голубых стен трехъярусной колокольни. Илья решительно развернулся и зашагал в противоположную сторону. Сооружение приближалось, уже было видно, что впереди монумент из темно-красного мрамора и вкопан он в центр гигантской клумбы, пока еще пустой по случаю холодного времени года. Впрочем, ее уже начали облагораживать, вон человек спину гнет, землю копает, старательно копает, неторопливо.

Илья обогнул монумент, остановился с фасада, пригляделся. Точно плита надгробная, только... Он перегнулся через бронзовую цепь ограды и всмотрелся в золотые буквы, выбитые на камне. «Абонент выбыл из зоны обслуживания» – дальше шли фамилия, имя и отчество абонента, а также две даты, и разница между ними давала тридцать пять лет. Эпитафия и справочные данные помещались у правого края плиты, а всю левую часть занимало изображение абонента: молодой человек сидит на капоте «Мерседеса» и сжимает в руке мобильник. Одет юноша в полосатый костюм, рубашка распахнута, на груди красуется крест, да не простой, даже отсюда видно, что в мрамор вмурованы некрупные яркие камни.

«Не понял...» Илья вдумчиво прочел надпись еще раз, присмотрелся к изображению абонента и понял, что все, только что пришедшее ему в голову, ни в какие ворота не лезет и что догадку надо бы уточнить. Хотя бы у местного «садовника» в грязных резиновых сапогах и мешковатой рясе, тоже грязной, покрытой засохшей землей и, кажется, мелкими опилками. Явно чернорабочий, и точно не из меркушевской охраны, он просто задаст ему пару вопросов и все, это не вызовет подозрений.

– Простите, – Илья подошел к «садовнику», – я не понял... – Он показал на багровый в лучах вырвавшегося из-за туч солнца мрамор. – Это чья могила?

Рабочий мельком глянул на Илью, вывернул лопатой очередной пласт земли, раздробил его на части и вогнал штык в клумбу, надавил на ребро подошвой сапога. Откинул упавшие на лоб волосы, и Илья увидел, что перед ним еще довольно молодой крепкий человек, ему нет и сорока, глаза серые, внимательные, взгляд острый, уверенный, но и только.

Выражение лица такое же постно-умильное, как у всех монастырских обитателей, но руки сильные, привыкшие к тяжелому труду. Да, руки... Илья заметил, как рабочий прячет под рукава «украшенные» синими татуировками пальцы. Понятно, тот еще паломничек... А ничего странного, самый большой криминальный улов именно в монастырях, потому что там под видом богомольцев какого только сброда не отирается – все, кому надо «отсидеться», в первую очередь бегут в монастырь. Богоугодных заведений по стране сейчас развелось, как блох на собаке, и что там творится с точки зрения законов человеческих и государственных – неизвестно...

– Дима Незнайка, – ровным голосом пояснил рабочий. – Завещал себя здесь похоронить, а отец-настоятель благословил. При жизни много жертвовал на монастырь, в помощи не отказывал, если просили, вот и покоится теперь в святом месте.

Человек перекрестился набожно и снова взялся за лопату, но Илья не отставал. Подошел поближе, спросил негромко:

– И что же случилось с этим хорошим человеком? Годков-то ему всего ничего было, я вижу, только жить да жить.

– Конкуренты проклятые погубили, – приглушенно ответил рабочий, – расстреляли его машину из автомата. И Диму, и телохранителя его, и водителя – все в «мерсе» сгорели.

«Понятно. – Илья снова любовался на памятник. – Дима, Дима, чем же ты промышлял еще каких-то десять лет назад? Героином торговал, вещевой рынок контролировал, торговцев дешевой водкой доил? Кому ж ты дорожку перешел, что в собственной машине тебя спалили? А попы – молодцы, мало, что с живого и мертвого деньги дерут, так еще и с воровского общака кормятся. Это вам не свечной заводик...»

– Местечко себе присматриваешь?

Илья обернулся на голос. Рабочий в грязной рясе докопал борозду и устроил себе перерыв, решив скоротать время в познавательной беседе.

– Какое там, – направился к нему Илья. – Где нам, грешным. Я с отцом-экономом поговорить хочу, о племяннике своем. Болеет он, сильно болеет, на голову слаб, – шепотом поделился своей бедой Илья. – Слышал я, что здесь таких лечат, вот и приехал...

Он замолчал, видя, как человек напротив согласно качает головой.

– Есть, есть, – подтвердил он, – много тут убогих, братья за ними ходят, как за детьми малыми. Вон там домики видел? – Он показал в сторону благообразных строений. – Там и живут, точно как в санатории. Кормят, поят, лечат, батюшки их духовно окормляют – благодать! – Мужик поднял лицо к небу, словно пытался скрыть слезы умиления.

«Отлично!» Илья тоже глянул сначала на уже почти расчистившееся от облаков и тумана небо, потом на полускрытые обелиском Димы Незнайки стены богадельни, проговорил негромко:

– Я слышал, что здесь даже родной брат Меркушева живет. Ну, того самого, что в «Трансгазе» главный. Это правда или врут люди? – Он пристально уставился на рабочего. Тот постоял еще, задрал голову, опустил ее неспешно и перекрестился под грянувший колокольный звон. И снова взялся за лопату, вогнал ее в сырой плотный пласт земли, налег на черенок, перевернул.

– Много у нас убогих живет, кому Бог посылает исцеление, кому нет, – пробормотал он себе под нос, Илье пришлось нагнуться, чтобы разобрать слова рабочего. – А чьи они родственники – нам неведомо, да и знать незачем.

И, больше не обращая внимания на любопытного «паломника», принялся перекапывать слежавшуюся за зиму землю.

«Мимо кассы...» Илья отвернулся и неторопливо побрел подальше от бандитского надгробия и неразговорчивого мужика в сторону небольшого, стоявшего на отшибе домика за резным деревянным заборчиком. Изнутри заборчик подпирала густая высокая живая изго-

родь, Илья шел вдоль нее, добрался до стены, от которой снова повеяло свежими нечистотами. Пришлось поспешно разворачиваться и топтать обратно мимо резного штакетника и недавно зазеленевших колючих кустов. За ними раздался громкий, требовательный голос – кто-то говорил по телефону, и этому кому-то было немного лет. Забор и кусты сделали поворот, Илья оказался между затейливыми дощечками ограды и глухой стеной старого здания. Прошел еще немного вперед, запрыгнул на уступ в стене, заглянул через верхушки кустов. Двухэтажный коттедж примыкал к ним вплотную, половину стены занимало панорамное окно, за ним открывался вид то ли гостиной, то ли столовой. Огромной, просторной, с камином и здоровенной люстрой, свисавшей через люк в перекрытиях аж со второго яруса дома. Несмотря на солнечное утро, люстра ярко светилась, ее граненые подвески переливались, блестели всеми цветами радуги, искры падали на паркет и украшенные лепниной и позолотой стены. В камине горел огонь, перед решеткой стояли низкий столик и глубокое кресло, в кресле развалился светловолосый юноша. С капризным видом он покрутил в пальцах мобильник, бросил его на пол и задрал полы рясы. Из-под нее показались ноги, обтянутые черными же, украшенными многочисленными стразами и кружевами лосины, юноша повозился в кресле, аккуратно перехватил розовой резинкой тощую, но длинную, почти до колен бороденку и принялся красить ногти.

«Твою маму...» Илья влип спиной в стену, зажмурился, снова открыл глаза. Юноша в лосинах не исчез, как сон, как утренний туман, а, прикусив нижнюю губу, с упоением делал себе маникюр. Илья уже собирался остороженько сползти с так кстати подвернувшегося выступа и по-быстрому убраться куда подальше, как обстановка изменилась. Юноша дернул головой, обернулся и вскочил на ноги, растопырив пальцы, замахал руками на ворвавшегося в каминный зал батюшку. Этот был велик, волосат и жутко расстроен, кинулся к юноше с мольбой в глазах, но тот замахал на него тощими лапками.

– Все, брат Амвросий, видеть тебя больше не хочу, не желаю! – щебетал «послушник» (или как он там правильно называется). – Блажь, блажь бесовская и соблазн! Не подходи ко мне больше, изыди! На, забери! – Он толкнул носком лакированного ботинка мобильник (надо думать, дорогуший и самой что ни на есть распоследней модели), трубка проехала по паркету и уперлась в край рясы горообразного батюшки.

– Что ты, что ты! – заворковал тот, отпихнул куда подальше неприкаянный мобильник и двинулся навстречу монашку в лосинах. Тот отступал с визгами и криками, батюшка пер молча и сосредоточенно, выбросил вперед лапищи, сгреб мальчонку за грудки, рывком прижал к себе, наклонился, и парочка слилась в страстном поцелуе. Ноги у юноши подкосились, одна подвернулась, он пополз вниз, «большого брата» клонило следом, поцелуй перешел в партер, на полу началось сосредоточенное барахтанье и возня.

Илья почувствовал, как к горлу подступила тошнота, порадовался, что не успел сегодня позавтракать, очень аккуратно слез с выступа и едва ли не бегом рванул куда подальше, не разбирая дороги, по идеально чистым плиткам дорожек, по мокрой траве, по комьям земли. Опомился едва ли не у самых ворот, обернулся на зов. У «Тойоты» стоял Исидор, размахивал рукавами, как гриф крыльями, звал к себе. Пришлось возвращаться, садиться в машину, чтобы уж окончательно доиграть роль богатого дяди раненного на голову племянника. Возникли серьезные опасения и за собственный рассудок, поэтому предложение немедленно покинуть «пустынь» Илья встретил едва ли не с восторгом. У Исидора зазвонил мобильник, он не успел сесть в машину, а так и болтал, стоя у открытой дверцы, а в салон тем временем просачивался характерный запах – отходы жизнедеятельности «подворья» концентрировались где-то поблизости.

– Завтра приедем. – «Брат» наконец плюхнулся за руль, завел машину. – Сегодня отец Амвросий занят трудами непосильными, не до нас ему. Брат в канцелярии сказал, что завтра точно будет.

«Трудами. Еп. перный театр». Илья смотрел в окно, как послушник – обычный мужик в разномастном камуфляже и высоких ботинках – открывает ворота, кланяется «Тойоте». И, чтобы не молчать, спросил:

– А почему тут везде дерьмом воняет? Канализацию прорвало?

Исидор вывернул руль влево, вывел машину на шоссе и дал по газам, да так, что стрелка спидометра свалилась за сотню.

– По распоряжению отца-эконома все нечистоты сливаются прямо в речку в овраге за стеной. Батюшка благословил не строить нормальную канализацию, а жить, как в старину, – пояснил «брат».

«Ну да, ну да. В старину...» Больше Илья не произнес ни слова, думал только об одном – как бы не проколоться завтра, как пережить встречу с ревнителем старины, как сдерживать тошноту и что делать, если организм откажется подчиняться. Ничего, надо просто немного потерпеть, результат того стоит. Если меркушевский братец все еще здесь, то в руках будет знатный козырь, жирный, окончательный, убойный, в конце концов. Если все подтвердится, то выкрасть шизофреника из «санатория» – плевое дело, а дальше... План родился сам собой, все получалось легко и просто. Разумеется, Меркушев пойдет на все, лишь бы спасти пусть чокнутого, но все же родного братца, будет сговорчивым и покладистым, согласится кое-что забыть и на что-то закрыть глаза. По самому большому счету Илья Кондратьев с ним в расчете, осталось последнее...

Второй половины дня и большей части ночи ему хватило, чтобы обдумать и перепроверить свой план, главная роль в котором отводилась Меркушеву Вадиму. Упор делался на родственные чувства – ведь что может быть прочнее в нашем зыбком мире?.. Проверить все еще раз, прикинуть, кое-что оставить на потом, чтобы обдумать еще раз... Спать Илья улегся далеко за полночь. А проснулся от торжественного оглушительного перезвона колоколов, в них били с таким усердием, что по всей гостинице звенели стекла.

– Новый отец-настоятель сегодня пожалеет, – со слезами на глазах возвестила «матушка» с ресепшен. – Вот радость-то, вот радость!

И закрестилась так усердно, словно отгоняла мух. Илья направился к выходу. Новый настоятель – принесла же его нелегкая, не мог еще денек подождать. Ищи теперь этого Исидора... Кстати, во сколько они сегодня встретиться договаривались?

В воротах было не протолкнуться, все обитатели монастыря сбежались к белокаменной арке, дабы встретить нового главаря. Илья попытался пробраться через толпу, но быстро бросил эту затею, кое-как выбрался на газон, остановился за спинами толпы. Бесплезно, это безумие надо просто переждать, а уж потом искать способ вернуться на «подворье», на крайняк можно такси вызвать, дорогу-то он знает... Кстати, это мысль, жаль, что раньше не догадался.

В гуле, криках и звоне он различил гудки машин, приподнялся на носки. В ворота въезжали два блестящих черных лимузина в тонировке, причем первый, как издали показалось Илье, был бронированный. «Майбахи» проплыли через ворота и остановились напротив стены древнего храма. Открылись дверцы, из машин вышли люди. Черное, белое, зеленое, золотое – все смешалось на крохотном пятчке, раздался восторженный рев толпы, ее отбросило назад, Илья едва успел отбежать от бордюра, взял немного вправо и оказался впереди процессии. Первым шествовал высокий с мрачным, жутко бледным худым лицом бородастый старик в черных одеждах, за ним еще двое таких же – изможденных, отрешенных, но помоложе и покрепче. А за ними, весь разряженный, как новогодняя елка, в блеске камней и одежде из дорогой яркой ткани шел тот самый юноша в кружевных лосинах. Правда, сейчас его облекала новая, блестящая под солнцем золотыми нитями вышивки, мантия, но капризная улыбка и тощая несерьезная борода со вчерашнего дня никуда не делись. Молодой человек надменно поворачивался во все стороны, его высокий, тоже блестящий,

причудливой формы головной убор покачивался в такт движениям нового отца-настоятеля. Следом топал зверообразный Амвросий, расталкивал пузом случайно оказавшихся на пути «братьев» рангом помельче, ни на шаг не отставал от юноши в высокой, расшитой золотом шапке. Подошел почти вплотную и ласково потрепал подопечного чуть ниже спины, разгладил лапищей ткань, зыркнул по сторонам. Кажется, кроме Ильи, этот маневр никто не заметил, толпа стонала в экстазе, гудели машины, звонили колокола, в глаза бил ослепительный солнечный луч. Прекратить, остановить этот кошмар, убраться куда подальше нечего было и надеяться, все это можно было только пережить. И отойти некуда, со всех сторон орут, подобно той кликуше, экзальтированные паломники, ревет молитвы братия, да так, что голова разламывается и уши вянут. И черт бы с ней, с толпой, с воплями, истериками и парой припадков, сразивших наиболее впечатлительных, хуже другое – дорога на «подворье» отрезана надолго, туда сейчас соваться нельзя. Назойливого просителя просто выкинут на радостях куда подальше; пока у них все успокоится, пока устанут, пока выяснится, кому платить, – пройдет не один месяц, и этих месяцев у него нет. А это значит, что продуманный план летит к чертям, неизвестно, где брат Меркушева, а сам Валерка по-прежнему недосягаем. Недосягаем для переговоров, для шантажа и угроз обнародовать интимные и кровавые подробности из его прошлого. Значит, остается последнее, вернее, то, с чего Илья начинал, то, о чем подумал в первую очередь, когда решился на долгий обходной путь. «Меркушев, я убью тебя, пристрелю, как собаку, на глазах у твоей охраны. А дальше – разберусь, мне будет легче только от того, что ты сдох». Электричка остановилась, с шипением открылись двери. Илья невежливо отодвинул с дороги нагруженную кошелками женщину и первым выскочил на перрон Ярославского вокзала, зашагал вместе с толпой к метро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.